

В. Г. Белинский

Русская литература в 1845 году

Виссарион Григорьевич Белинский

Русская литература в 1845 году

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2824545

Аннотация

Настоящая статья является последним обзором, написанным Белинским в «Отечественных записках». Белинский в этой статье не только подвергает критике романтизм в его идейных и эстетических основах, но и рисует историю его возникновения и развития. Вслед за критикой романтизма в статье дается смелое и решительное утверждение нового направления русской литературы, ведущего свое начало от Гоголя и свидетельствующего о значительных успехах молодых писателей-реалистов, воспитанных и руководимых Белинским.

Содержание

Примечания
Комментарии

55

Виссарион Григорьевич Белинский Русская литература в 1845 году

Тихо и незаметно еще канул год в вечность, канул как капля – в море! И никто не пожалел о покойнике, никто не проводил его ласковым словом, – он был забыт заживо, забыт совершенно: в декабре на него смотрели все как на докучного, засидевшегося гостя, который только мешает радостной встрече с вожделенным новым годом. Старый год, в своем последнем месяце, бывает похож на начальника, который подал в отставку, но, за сдачею дел, еще не оставил своего места. Разница только в том, что о старом начальнике всегда жалеют, если не по сознанию, что он был хорош, то по боязни, что новый будет еще хуже; нового же года люди никогда не боятся: напротив, ждут его с нетерпением, как будто в условной цифре заключается талисман их счастья. И все это для того, чтоб изменить ему, когда он состареется, и снова возложить свои надежды на его преемника! Таким образом, неприметно уходит год за годом, – и только разве тогда, как человек почувствует на плечах своих порядочное количество годов, впадает он в невольное раздумье и уже не

с такую холодностью провожает старый и не с такую радостью встречает новый год... Ему в первый раз приходит на ум очень простая истина, что первое января, которым теперь начинается новый год, ничем не лучше первого сентября, которым прежде начинался год; что условные вехи, столбы и станции на бесконечной дороге жизни – в сущности ничего не значат и что для каждого лично всего лучше измерять свое время объемом своей деятельности или хоть своих удач и своего счастья. Ничего не сделать, ничего не достигнуть, ничего не добиться, ничего не получить в продолжение целого года, – значит потерять год, значит не жить в продолжение целого года. А сколько таких годов теряется у людей! Не делать – не жить; для мертвого это небольшая беда, но не жить живому – ужасно! И между тем так много людей живет не живя, но только собираясь жить! Кто в самом себе не носит источника жизни, то есть источника живой деятельности, кто не надеется на себя, – тот вечно ожидает всего от внешнего и случайного. И вот причина чествования нового года. Новый год дает то, чего не дал прошлый... И вот —

Настали святки. То-то радость!

Гадает ветренная младость,

Которой ничего не жаль,

Перед которой жизни даль

Лежит светла, необозрима;

Гадает старость сквозь очки

У гробовой своей доски,

Все потеряв невозвратно;
И все равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.^[1]

Святочные гаданья всегда относятся к новому году; люди убеждены, что только в новом году могут они быть счастливы. О том, достойны ли, способны ли они быть счастливы, им и в голову не приходит. Еще те, которые ждут своего счастья от денег, от материальных выгод, могут быть правы: не удалось в прошлом году – авось удастся в будущем! Притом же люди этого сорта деятельны и крепко держатся пословицы: «На бога надейся, сам не плошай». Но романтические ленивцы, но вечно бездеятельные или глупо деятельные мечтатели думают об этом иначе: небрежно, в сладкой задумчивости, опустив руки в пустые карманы, прогуливаются они по дороге жизни, глядя все вперед, туда, в туманную даль, и думают, что счастье гонится за ними, ищет их и вот – того и гляди – наконец найдет их и бросится в их объятия, чтоб никогда уже не расставаться с ними. «О, что-то сулишь ты мне, *таинственный* новый год!» восклицают они в стихах и в прозе... А о том и не подумают, что они ничего не сделали, чтоб найти очарование и прелесть в жизни; что они перехитрились, перемудрились до того, что сами не знают, чего им надо и чего не надо; что они утратили способность просто чувствовать, просто понимать вещи; что сделались оли-

цветворенным противоречием – de facto¹ живут на земле, а мыслию на облаках; что стали ложны, неестественны, натянуты,

С своей безнравственной душой,
Самолюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С своим озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом...^[2]

В наше время особенно много людей *мечтающих* и *рассуждающих*, о которых, впрочем, не всегда можно сказать, чтоб они были в то же время и *мыслящими* людьми. Не жить, но мечтать и рассуждать о жизни – вот в чем заключается их жизнь... Нельзя не подивиться, что юмор современной русской литературы до сих пор не воспользовался этими интересными типами, которых так много теперь в действительности, что ему было бы где разгуляться! Это существа странные, иногда жалкие, иногда достойные участия, но всегда равно любопытные для наблюдения. Их значение у нас очень важно; они явились вследствие внутренней необходимости, как выражение нравственного состояния общества. Еще недавно были они «героями своего времени». Теперь на них мода проходит, но их все еще много, и они еще не скоро переведутся. Притом же они не столько переводятся, сколь-

¹ На самом деле. – *Ред.*

ко изменяются, принимая новые формы. Поэтому они разделяются на множество оттенков, заслуживающих подробного исследования.

Что же это за люди, что за типы? – Это высокие натуры, презирующие толпу: вот общее их определение, довольно полное и верное. Что же касается до оттенков, начнем с первого.

Он слезы лил, добросердечно
Бранил толпу
И проклинал бесчеловечно
Свою судьбу.
Являлся горестным страдальцем,
Писал стишки
И не дерзал коснуться пальцем
Ее руки.^[3]

Никакой натуралист так хорошо и полно не составлял истории какого-нибудь *genus* или *species*² животного царства, как хорошо и полно рассказана в этих восьми стихах история человеческой породы, о которой говорим мы. Недовольство судьбою, брань на толпу, вечное страдание, почти всегда кропание стишков и идеальное, обожание неземной девы – вот родные признаки этих «романтиков» жизни. Первый разряд их состоит больше из людей чувствующих, нежели умствующих. Их призвание – страдать, и они горды своим

² Рода или вида. – *Ред.*

призванием. Не спрашивайте их, по чем, отчего они страдают: они презирают страдание, которое можно объяснить какою-нибудь причиною. Они любят страдание для страдания. Им стыдно минуты веселого, беззаботного увлечения, они боятся здоровья, хотят быть бледными, худыми, и ничем так нельзя встревожить их, как сказав, что они пополнили. Для чего все это? – Для того, что толпа любит есть, пить, веселиться, смеяться, а они, во что бы то ни стало, хотят быть выше толпы. Им приятно уверять себя, что в них клокочут неистовые страсти, что они переполнены чувством, что их юная грудь разбита несчастьем, светлые надежды на жизнь давно разлетелись и на долю им осталось одно горькое разочарование. Им непременно нужна душа, которая поняла бы их, но они решительно не знают, что им делать с такою душою, когда им удастся найти ее, потому что их страсти в голове, а не в сердце и счастливая любовь ставит их в тупик. Поэтому они предпочитают любовь непонятую, неразделенную любви счастливой и желают встречи или с жестокою девою или с изменницей... Во всем этом главную роль играет самолюбие, и, однакож, тут есть, или была когда-то, своя хорошая сторона; но мы об этом скажем ниже, а теперь обратимся к другому, высшему разряду «романтиков».

Между этими «романтиками» бывают люди умные, даже очень, хотя и бесплодно умные. Они толкуют не о чувствах и не о себе только: они рассуждают вообще о жизни. Стремление весьма похвальное, когда оно имеет прочную основу,

практический характер! Но романтики вообще враги всего практического, которое они с презрением отдали на долю «толпы», не понимая в своем ослеплении, что всякий гений, всякий великий деятель есть человек практический, хотя бы он действовал даже в сфере отвлеченного мышления. Разлад с действительностью – болезнь этих людей. В дни кипучей, полной силами юности, когда надо жить, надо спешить жить, они, вместо этого, только рассуждают о жизни. Некоторые из них спохватываются, но поздно: именно в то время, когда человек не годится уже ни на что лучшее, как только на то, чтоб рассуждать о жизни, которой он никогда не знал, никогда не изведал. Толпа живет, не мысля, и оттого живет пошло; но мыслить, не живя – разве это лучше? разве это не такая же или даже еще не большая уродливость?..

Но теперь все заговорили о действительности. У всех на языке одна и та же фраза: «Надо делать!» И между тем все-таки никто ничего не делает! Это показывает, что во что бы ни нарядился романтик, он все останется романтиком. Не понимая этого, романтики обеими руками начали хвататься за маски и костюмы, – и вышел пестрый маскарад, где на один вечер так легко быть чем угодно – и турком, и жидом, и рыцарем. Некоторые, говорят, не шутя надели на себя терлик, охабень и шапку мурмолку; более благоразумные довольствуются только тем, что ходят дома в татарской ермолке, татарском халате и желтых сафьянных сапожках – все же исторический костюм!^[4] Назвались они «партиями» и дума-

ют, что делать значит – рассуждать на приятельских вечерах о том, что только они – удивительные люди и что кто думает не по их, тот бродит во тьме.

Во всем этом видно одно: стремление жить мимо жизни, глубокий внутренний разлад с действительностью. Сперва хотят составить программу жизни, хорошенько обдумать и обсудить ее, а потом уже и жить по этой программе. Удивительно ли, что вся жизнь таких людей проходит в составлении программ? Человек должен сознавать жизнь, и разум должен вести человека по пути жизни – тем и отличается человек от животных бессловесных; но основой жизни должен быть инстинкт, непосредственное чувство. Без них жизнь есть пустое, холодное и, к довершению, преглупое умничанье; так же, как без мыслительности, непосредственное существование есть животное состояние. Любовь к женщине – высокое чувство, но оно тогда только истинно, когда выходит из сердца, а не из головы.

А между тем романтики по преимуществу живут головными, а не сердечными страстями, и потому вся гамма жизни их поется визгливою фистулою. Их презрение к «толпе» так велико, что они не могут понять, каким образом сам гений потому только и велик, что служит толпе, даже борясь с нею. Поэтому они не хотят снизойти до ознакомления себя с толпой, до изучения ее характера, положения, потребностей, нужд. Для обихода целой их жизни достаточно нескольких мыслей, иногда нескольких фраз, вычитанных в книге, по-

верхностно понятых, невпопад приложенных к действительности. Они смотрят на толпу не как на силу, которая гнется и поддается только от силы гения, а как на стадо, которое может гнать перед собою куда угодно первый умник, если вздумает взяться за это дело. Их любовь и доверенность к теориям (разумеется, преимущественно к своим собственным) так велика, что они скорее решатся не признать существования целого народа, который не подходит под их теорию, нежели отказаться от нее. Им это так легко, а для народа это так не опасно! Пусть тешатся!.. Да ведь этим потехам должен же быть когда-нибудь и конец: сам дон-Кихот опомнился перед смертью... Что ж! когда горький опыт жизни разобьет мечты романтика, – у него не все еще будет отнято: у него останется великолепная мантия страдания вследствие непризнанной гениальности.

И однакож такие романтики – не случайное явление. Они были необходимым результатом прививного образования нашего общества; их история тесно соединена с историей нашей литературы, с которою также тесно слита и история образования нашего общества.^[5]

До начала литературы деды и отцы наши жили просто, без претензий, без хитрости, без мудрования, ели, пили, спали (и как еще ели, пили и спали! нам, их внукам и детям, увы! уже не есть, не пить и не спать так!), женили детей своих (тогда сыновья не могли сами жениться – их женили отцы, так же как теперь они выдают дочерей замуж), умнели лет в

сорок, старели лет в семьдесят, умирали лет в девяносто... Без сомнения, это была жизнь весьма простая, но вместе с тем и грубо простая. Ведь простота простоте – рознь, и для общества лучшая простота есть та, которая выработалась из затейливой вычурности, как, например, простота обращения в современной Европе, вышедшая из изысканной хитрости обращения XVIII века. В этом чересчур простом обществе не было жизни, разнообразия, потому что личность человека поглощалась этим обществом и каждый должен, обязан был жить, как жили все, а не как указывал ему его разум, его чувство, его склонности. Реформа Петра Великого потрясла в основании это оцепенелое общество; но она только разбудила, растревожила, взволновала его, и если переменяла, то извне только. Внутреннее изменение общества должно было быть дальнейшим результатом этой реформы. Явилась литература, сперва без читателей, без публики, литература громозвучная, торжественная, надутая, школьная, риторическая, педантическая, книжная, без всякого живого отношения к жизни и обществу. В блестящее царствование Екатерины II было положено основание знакомства русского общества с европейским; с этого времени начало сильно распространяться в России знание французского языка, а вместе с ним и изысканная вежливость обращения и сентиментальный характер нравов. Бедный молодой дворянин Карамзин объехал большую часть Европы и своими «Письмами русского путешественника», очаровавшими его совре-

менников, прочитанными всею грамотною Россиею того времени, довершил и утвердил знакомство русского образованного общества с Европою. Эта книга, которую теперь так скучно читать, – тем не менее великий факт в истории нашей литературы и в истории образования нашего общества, С Карамзина наше сочинительство и писательство уже начало становиться не просто книжничеством, а литературою, потому что талант Карамзина создал и образовал публику. Направление, данное Карамзиным нашей литературе, было по преимуществу сентиментальное. Так как оно было в духе времени, то скоро проникло и в нравы общества. *Чувствительные души* толпами ходили гулять на Лизин пруд; Эрасты, Леоны, Леониды, Мелодоры, Филалеты, Нины, Лилы, Эмилии, Юлии размножились до чрезвычайности, вздохи превращали самые тихие дни в ветреные, слезы потекли реками... Будь это в наше время, сейчас же бы составились компании на акциях для постройки ветряных и водяных мельниц, в расчете на движущую силу вздохов и слез чувствительных душ... Теперь это, конечно, смешно, но тогда имело свое глубокое значение. Литература в первый раз стала выражением общества и потому начала оказывать на него сильное нравственное влияние. Чувствительные души были тогда если не лучшие души в обществе, то, без сомнения, самые образованные. Они резко отделились от *бесчувственной* толпы; но они гордились перед нею только своею способностью чувствовать, умиляться до слез от всего пре-

красного и человеческого, а еще не тянулись в герои, и великие люди. Но тем не менее, разделение *избранных* от *толпы* уже обнаружилось. Оно не могло остановиться на одном месте, но должно было идти вперед, развиваться. Романтическая муза Жуковского, своими очаровательно задумчивыми звуками, похожими на уныло гармонические звуки *эоловой арфы*, дала сентиментальному обществу более истинный и более поэтический характер. В ней, несмотря на ее мечтательность, была сила, энергия, и она любила не одну сладкую задумчивость, но и мрачные картины фантастической действительности, наполненные гробами, скелетами, духами, злодействами и преступлениями – темными преданиями средних веков... В двадцатых годах раздалось в нашей литературе слово «романтизм». Все заговорили о Байроне, и байронизм сделался пунктом помешательства для прекрасных душ...^[6] Вот с этого-то времени и начали появляться у нас толпами маленькие великие люди с печатню проклятия на челе, с отчаянием в душе, с разочарованием в сердце, с глубоким презрением к «ничтожной толпе». Герои сделались вдруг очень дешевы. Всякий мальчик, которого учитель оставил без обеда за незнание урока, утешал себя в горе фразами о преследующем его роке и о непреклонности своей души, пораженной, но не побежденной. Эти господа провозгласили своим органом Пушкина, потому что не поняли его. Они обеими руками ухватились за его молодые произведения, – прекрасные, но в то же время и незрелые; зато, когда

Пушкин нашел путь, назначенный ему его натурою; когда он развился до всей высоты своего гения и сделался великим художником, — они отступились от него, как от падшего таланта. Истинным выражением романтического направления были повести Марлинского, с дополнением к ним повестей вроде «Живописца», «Блаженства безумия», «Эммы» и т. п., потом стихотворения некоторых поэтов, явившихся вместе с Пушкиным и доведших это направление до последней крайности. В нем была и отчаянная фразеология ложных, натянутых страстей, и притязательная (*pretentieuse*) фразеология немецко-бюргеровской мечтательности, пополам с плохо понятым немецко-философским мудрованием; и наша будто бы народная удаль чувств и выражений, сбивающаяся несколько на ямщицкое ухарство.^[7] Превосходным образчиком последнего может служить следующее стихотворение, напечатанное в «Эхо», альманахе на 1830 год, изданном в Москве:

Прочь с *презренною толпою,*
Цыц, схоластики, молчать!
Вам ли черствою душою
Жар поэзии понять?
Дико, бешено стремленье,
Чем поэт одушевлен:
Так в *безумном* упоеньи
Бог поэтов, Аполлон,
С Марсиаса содрал кожу!

Берегись его детей:
Эпиграммой хлопнут в розжу,
Рифмой бешеной своей
В поэтические плети
Приударят дураков,
И позор ваш, мрака дети,
Отдадут на свист веков!

Нельзя не согласиться, что это немножко пошло, немножко грязно, даже отчасти глуповато; но нельзя не согласиться и с тем, что это только доведенная до последней крайности та *мило-забубенная* поэзия, которая воспевала удаль бурсацкой жизни и возвышенные стремления разума к чаше с шипучим, – та разудалая поэзия, которою мы с вами, читатель, так восхищались во время оно и которая и теперь еще имеет простодушие претендовать на внимание и на почет... Справедлива русская пословица: «Яблоко от яблони недалеко упало»... Что же касается до неистовой и глубоко-мысленной романтической фразеологии в стихах и прозе, – мы не высказали бы ясно нашей мысли о романтическом направлении, если бы не привели здесь несколько фраз, более или менее характеристических. Вот на выдержку несколько мест из разных романтических авторов:

«Моя сабля – мой лучший заступник».

– Бросьте пустое хвастовство, князь Гремик; завтра, так завтра. Выстрел самый остроумный ответ на дерзости.

«А пуля самая лучшая награда коварству. Завтра вы уверитесь, что я не из той ткани, из которой делаются свадебные подножки, и не бубновый туз, чтоб в меня целить хладнокровно».

Человек создан из Добра и Любви; с ними все соединялось у него в первобытной его жизни. Кто был добр, тот любил; кто любил, тот был добр. И любовь роднила душу Человека с мертвою Природою. Философия не разогреет Веры, и не логикою убеждаются в ее святых истинах – но сердцем. Там в сердце человеческом *воздвигнут алтарь* святой Веры; *рядом с ним поставлен* алтарь Любви; и на обоих горит *одинакая жертва* вечной истине – *пламень надежды!* Без этого пламени, *солнце* наше давно *погасло* бы, и *кометы праздновали* бы только *погребальную тризну* на *скелете земли*, с *ужасом* спеша из мрачной пустоты³, где тлеет труп ее, спеша – *туда, выше, выше*, где свет чище, ярче, *более вечен...*

Чудная Веринька! скажи, кто ты: демон или ангел? Нет! ты *неземная*. Это я знаю лучше тебя самой.

Сказали бы мне: *будь поэтом* – и через год я склонил бы свою увенчанную голову перед тою, которой обязан

³ Великолепная картина! Любопытно было бы взглянуть, как кометы сумели бы поместиться на скелете земли, чтоб праздновать на ней погребальную тризну и, *в то же самое время*, с ужасом спешить из мрачной пустоты туда, и проч. Для этого стоило бы погасить пламень надежды на алтаре сердца...

вдохновением⁴. Разве не поэзия – *высокая* любовь моя!
Разве нет пылу в моей душе! Я бы *разбил ее в искры*,
и звуки, и мысли – и свет ответил бы мне вздохами, и
слезами, и рукоплесканиями.

Ногу в землю, взор в небо – вот истинное твое
положение – человек!

Любовь! любовь! души моей восторг!
В уме моем ты лучшая идея,
В познаниях – ты лучшее познание,
В надеждах – нет надежды равной,
В мечтах моих – роскошнейшей мечты!

Для двух душ, сведеншихся таким образом в области
изгнания – что такое *время*, что такое *расстояние*?

Отдайте Вериньку кому угодно, забросьте ее за моря,
за непроходимые леса и горы, позвольте мне *ползти на*
коленках по всему свету, искать ее...

Везде есть змей коварного сомненья,
Но змей любви *безмерно* ядовит...

... Катай, извозчик, удуши лошадей; пять, десять,

⁴ Романтизм думает, что стоит только влюбиться в *деву неземную*, чтоб
сделаться поэтом не хуже Байрона, не имея от природы таланта ни на грош.
Не знаем, думал ли романтизм, что если бесталантный человек влюбится в *деву*
неземную, то сейчас же делается первым умником на свете...

двадцать рублей тебе на водку! Я летел; колеса жгли мостовую; я хотел закружить себя быстротою, упиться самозабвением – напрасно!

Душа моя изъедена мученьем,
Как злой разбойник совестью и кровью!
За что, за что? за чистоту страстей,
За благородство сердца и души!!

Уже все теперь бесило меня: я досадовал, что он осторожно спрятал деньги в бюро, а не скомкал и не бросил их.

Не понимай, не понимай, божественная дева,
Моих пустых речей, не понимай!
Не слушай слов сердечного напева,
Насмешками сожги душевный рай;
О, удержи порыв немого гнева,
Не понимай меня, не понимай!

Умрем, моя мечта!.. Да и на что нам жизнь?

Ты *моя, моя* – ты не вырвешься из объятий души моей; я умерщвлю тебя моим последним смертным дыханием.

Душа велела жизнь любить,
А жизнь и душу ненавидеть...^[8]

Все это очень смешно, смешнее ничего нельзя выдумать;

самая злая пародия не могла бы так страшно осмеять этих выписок, как осмеивают они сами себя; но это смешно теперь, а было время – что греха таить! – когда это всех приводило в восторг: явный знак, что все это было нужно и необходимо в свое время и даже имело свою хорошую сторону, принесло свои хорошие результаты. Уже одно то, что, благодаря этим туманным, заоблачным и разудалым фразерствам, мы навсегда как будто застрахованы в будущем от опасности увидеть нашу литературу на такой странной дороге, – одно это уже большая заслуга. Что же касается до романтиков жизни, порожденных и возлелеянных этою романтической литературою, высокопарною без крыльев, глубокою без основания, таинственною без смысла, разгульною без вдохновения, смелою из бравуры, оригинальною из фанфаронства, тщеславною по ограниченности, странною по духу противоречий, – романтики жизни, как мы сказали выше, не перевелись и теперь; некоторые из них и остались такими, какими были, – их круг состоит или из людей уже слишком пожилых, или из детей; другие, прикинувшись учеными, облекли старые претензии в новые фразы. Твердя беспрестанно, что абстрактное мышление ни к чему не ведет, что достоинство знания поверяется его отношениями к жизни, а важность теории определяется ее приложимостью к практике, – они тем не менее продолжают жить в мечте, с тою только разницею, что сочиняют мечтательные теории не об отвлеченных предметах, а о действительности, которую схватыва-

ют в своих определениях так верно, как верно чудодейственная кисть Ефрема писала портреты, изображая Архипа Сидором, а Луку Петром.^[9]

Стать смешным значит проиграть свое дело. Романтизм проиграл его всячески – и в литературе, и в жизни. Он сам это чувствует. Что же было причиною его падения? – Переворот в литературе, новое направление, принятое ею. Этого переворота не мог бы сделать ни Пушкин, ни Лермонтов. Мы видели выше, как легко наши «романтики» вообразили себя Байронами, не будучи в состоянии даже подозревать, что таков была эта титаническая натура. Для всего ложного и смешного один бич, меткий и страшный, – юмор. Только вооруженный этим сильным орудием писатель мог дать новое направление литературе и убить романтизм. Нужно ли говорить, кто был этот писатель? Его давно уже знает вся читающая Россия; теперь его знает и Европа.^[10]

Если бы нас спросили, в чем состоит существенная заслуга новой литературной школы, – мы отвечали бы: в том именно, за что нападает на нее близорукая посредственность или низкая зависть, – в том, что от высших идеалов человеческой природы и жизни она обратилась к так называемой «толпе», исключительно избрала ее своим героем! изучает ее с глубоким вниманием и знакомит ее с нею же самою. Это значило повершить окончательно стремление нашей литературы, желавшей сделаться вполне национальной, русской, оригинальной и самобытной; это значило сделать ее выра-

жением и зеркалом русского общества, одушевить ее живым национальным интересом. Уничтожение всего фальшивого, ложного, неестественного должно было быть необходимым результатом этого нового направления нашей литературы, которое вполне обнаружилось с 1836 года, когда публика наша прочла «Миргород» и «Ревизора». С тех пор весь ход нашей литературы, вся сущность ее развития, весь интерес истории заключались в успехах новой школы.

Если бы ежегодные обозрения русской литературы постоянно помещались с тех пор в каком-нибудь журнале, — они оправдали бы вполне нашу мысль. Чего нельзя заметить в год, то делается заметным в годы. Перечесать литературные произведения за целый год ничего не значит; один год может быть ими богаче, другой беднее — это дело случайности. Критический отчет за годовой итог произведений должен прежде всего показать успех литературы или ее упадок в продолжение года со стороны ее духа и направления. Так делали мы в продолжение пяти лет сряду; так сделаем и теперь.

Прошлый 1845 год литературными произведениями был несколько богаче своего предшественника. Но главная заслуга 1845 года состоит в том, что в нем заметно определеннее выказалась действительность *дельного* направления литературы. По крайней мере, так должно заключать из отчаянных воплей некоторых отставных или отсталых *ci-devant*⁵ талантов, а теперь плохих сочинителей, которые клятвенно

⁵ Бывших. — *Ред.*

уверяют, что с тех пор как их книги не идут с рук и их никто уже не читает, литература наша гибнет, в чем виновата, во-первых, новая школа, которая пишет так хорошо, что только ее произведения и читаются публикою, а, во-вторых, толстые журналы, которые принимают на свои страницы произведения этой школы или хвалят их, когда они являются отдельными книгами...^[11] Но оставим этих господ – и обратимся к прошлогодней литературе.

Отдельно вышедших книг по части изящной словесности в прошлом году было немного, если даже включить сюда и сборники. Первое место между ними, бесспорно, должно принадлежать «Тарантасу» графа Соллогуба. Эта книга вдвойне интересна – и как прекрасное литературное произведение, и как изящное, великолепное издание. В последнем отношении «Тарантас» – решительно первая книга в русской литературе. В свое время мы представили публике наше мнение о произведении графа Соллогуба в особой статье, в отделе критики. Статья наша была понята двояко: одни приняли ее за восторженную и неумеренную похвалу, другие – за что-то вроде памфлета. Это произошло оттого, что и сам «Тарантас» одними был принят за искреннее *profession de foi*⁶ так называемого славянофильства; другими – за злую сатиру на него. Что касается до нас, мы принадлежим к числу последних и теперь, как и тогда, понимаем «Тарантас» как сатиру и будем его понимать так до, тех пор, пока он не изгла-

⁶ Исповедание веры. – *Ред.*

дится из литературных воспоминаний публики. Мы не можем иначе думать, уважая ум и талант автора «Тарантаса», потому что герой этого сатирического очерка, Иван Васильевич, играет в нем такую смешную роль, говорит такие несообразности и странности, что увидеть во всем этом искреннее выражение убеждений автора было бы слишком смело и неосторожно. Мы думаем, напротив, что «Тарантас» тем и делает особенную честь таланту и изобретательности своего автора, что в нем еще впервые в русской литературе является один из комических «героев нашего времени», – этих героев, которые тем смешнее, что они считают себя лицами очень серьезными, даже чуть не гениями, чуть не великими людьми. За них давно бы следовало приняться нашим даровитым писателям: это и сделал граф Соллогуб прежде всех. Нечего и говорить, что он выполнил свою задачу с необыкновенным талантом, – хотя, впрочем, и нельзя сказать, чтоб в его произведении не было недостатков, и довольно важных, как, например, уверения, будто русская критика пишется для забавы мужиков, которые, однакож, предпочитают ей шутов в их мужицком: костюме; что будто бы литература русская должна набираться идей и вдохновения у постелей умирающих мужиков, сидя подле них в качестве стенографа и записывая их последние слова, которые, как всем известно, – касаются только разных житейских забот и распоряжений насчет детей, снох, коров и баранов. Но, несмотря на эти недостатки, которые притом еще и легко исправить при вто-

ром издания «Тарантаса», – сочинение графа Соллогуба все-таки принадлежит к замечательнейшим литературным явлениям прошлого года.^[12]

В прошлом же гаду вышел *вторым* изданием второй том повестей графа Соллогуба, под общим названием: «На сон грядущий». Это нас особенно порадовало, как неопровержимое доказательство готовности и охоты нашей публики покупать, читать и перечитывать все, что выходит из-за черты посредственности.^[13]

К числу замечательных произведений прошлого года должно причислить и «Петербургские вершины» г. Буткова. Эта книга не обнаруживает в авторе поэта; из нее видно, что его талант – писать сатирические очерки, а не юмористические повести. Но хорошо и это. В наше время сатирический талант. не останется незамеченным.^[14]

В Москве есть писатель, некто г. Ваненко, о котором почти никто не знает, которого имя почти неизвестно в нашей литературе, но который тем не менее одарен талантом, не чуждым даже и юмора. Жаль только, что г. Ваненко исключительно привязался к простонародным рассказам и считает очень выгодным писать для простого народа, который не читает его, потому что еще не довольно грамотен для занятия литературою. Мы думаем, что для г. Ваненко было бы гораздо выгоднее взяться за изображение сферы жизни ступенью выше. Пусть тут будут и мужики, но только пусть они действуют на в сказочном, а в действительном мире. Мы

убеждены, что у г. Ваненко стало бы таланта и на это и что только тогда нашел бы он поприще, достойное таланта. В прошлом году г. Ваненко напечатал вторым изданием «Пару новых русских рассказней»: 1. «О солдате Яшке красной рубашке, синие ластовицы»; 2. «О молодом Илье женатом, да лысом Мартына тароватом». Читая эту книжку, видишь в ней талант и жалеешь, что он потрачен ни на что!

Прошлый литературный год дебютировал вдруг двумя весьма замечательными поэмами в стихах. Первая – «Разговор» г. Тургенева, написана удивительными стихами, какие теперь являются редко, исполнена мысли; но вообще в ней слишком заметно влияние Лермонтова, – и, прочитав новую поэму г. Тургенева, помещенную в этой книжке «Отечественных записок», нельзя не заметить, что в этом последнем роде талант г. Тургенева гораздо свободнее, естественнее, оригинальнее, больше, так сказать, у себя дома, нежели в «Разговоре».^[15] Поэма г. Майкова – «Две судьбы» доказала, что его талант не ограничен исключительно тесным кругом антологической поэзии и что ему предстоит в будущем богатое развитие. Несмотря на явную небрежность, с какою написаны многие стихи в этой поэме, несмотря на то, что некоторые места в ней отзываются юношескою незрелостью мысли, – поэма чрезвычайно замечательна в целом и блещит удивительными, частностями, исполненными ума и поэзии.^[16]

Стихотворения Александра Струговщикова, заимство-

ванные из Гёте и Шиллера; стихотворения Эдуарда Губера; *новые стихотворения Н. Языкова* и *пятое* (компактное, в одной книге) издание «Сочинений Державина» довершают собою ряд вышедших в прошлом году книг стихотворного содержания. – Публике известно наше мнение о прекрасном таланте г. Струговщикова переводить Гёте, который мы глубоко уважаем, и потому всегда жалели, что г. Струговщиков не хочет ограничиться, ролью переводчика, *верно*, не мудрствуя лукаво передающего по-русски творения великого германского поэта, но вместо этого хочет быть каким-то полуоригинальным поэтом, переделывая то, что надо только переводить и что хорошо само по себе. Общее мнение, обнаружившееся по выходе книжки г. Струговщикова, показало, что мы были правы.^[17] – Поэзия г. Губера, отличающаяся замечательно хорошим стихом и избытком болезненного чувства, бедна оригинальностью. Она не принадлежит ни к какой стране, ни к какому времени; ее можно счесть за перевод с какого угодно языка. – *Новые* стихотворения г. Н. Языкова оказались весьма старыми. – Издание «Сочинений Державина» вышло серовато и плоховато во всех отношениях.

«Физиология Петербурга» (две части), «Вчера и сегодня», «Сто русских литераторов» (третий том) и второе издание двух частей «Новоселья», изданного в первый раз в 1833 году, были замечательнейшими сборниками прошлого года. О «Физиологии Петербурга» было в продолжение всего года столько говорено, что страшно и вспомнить. Одна газета жи-

ла в 1845 году преимущественно нападками на эту книгу, имевшую большой успех. Статьи этого сборника все без исключения, более или менее, могли доставить публике занимательное и приятное чтение; но особенно замечательны из них, в прозе: «Петербургский дворник» В. И. Луганского, «Петербургские углы» Н. А. Некрасова; в стихах: «Чиновник» Н. А. Некрасова. – В сборнике «Вчера и сегодня» прочли мы два отрывка из неконченных «повестей Лермонтова, чрезвычайно интересных; его же несколько стихотворений, впрочем, ничем особенно не замечательных; премиленький рассказ графа Соллогуба «Собачка» и очень интересную статью г. Второва «Гаврила Петрович Каменев». В третьем томе «Ста русских литераторов», кроме первых двух статей, все остальное представляет собою превосходнейшие образцы посредственности, и бездарности.^[18]

Переводы по части изящной словесности, отдельно вышедшие в прошлом году, не нужно пересчитывать; был один, но который стоит множества. Мы говорим о большом предприятии – перевести всего Вальтера Скотта. Доселе вышли два; романа – «Квентин Дорвард», «Антикварий», и на-днях поступит в продажу третий – «Айвенго». Перевод и издание достойны подлинника.

Теперь перейдем к замечательнейшим произведениям по части изящной литературы, являвшимся в журналах. Стихов теперь вообще мало печатается в журналах. Жалеть или радоваться? – Нам кажется, что это очень приятное явление.

Писать стихи, даже порядочные, в наше время ничего не стоит, и в этом отношении «поэтов» у нас несметные легионы – тьмы тем. Но – увы! – их уже не печатают или мало печатают, потому что не читают. Дева просто, потом № 1, неземная дева, № 2, луна, ночь, уныние, разочарование, цыганка, шампанское, лень, похмелье, разгулье, отчаяние, горе, страдание, дружба, игры, любовь, слава, мечта, – все это до того уже перепето на разные голоса, что, наконец, надоело всем смертельно. Нужно что-нибудь новое, но новое открывает гений, а в настоящую минуту у нас, увы! не имеется в наличности ни одного гениального поэта.

Конечно, и таланту, если он дружен с умом, если он умный талант, удастся угадывать, что может иметь успех в настоящую минуту, особенно, если это указано или хоть издалека намекнуто гением. В прошлый год явилось, в разных периодических изданиях, несколько счастливых вдохновений таланта, которые, впрочем, мы можем перечесть все до одного, не утомляя ни себя, ни читателя: «Современная ода» г. Не – за и «Старушке» его же (в «Отечественных записках»); «Чиновник» (в «Физиологии Петербурга»);^[19] «Дух века» г. Майкова (в «Финском вестнике»). К этому небольшому итогу следует прибавить три энергические пьески. – «Хавронья» неизвестного (в «Отечественных записках») и следующие два послания во 2-й книжке «Москвитянина», которые – особенно первое – так хороши, что, желая содействовать их известности, мы считаем за нужное выписать их здесь.

К усопшим льнет как червь Фиглярин неотвязный.
В живых ни одного он друга не найдет.
Зато, когда из лиц почетных кто умрет,
Клеймит он прах его своею дружбой грязной. —
Так что же? Тут расчет: он с прибылью двойной,
Презренье от живых на мертвых вымещает,
И чтоб нажить друзей, как Чичиков другой,
Он души мертвые скупает.

Кн. Вяземский

Что ты несешь на мертвых небылицу,
Так нагло лезешь к ним в друзья?
Приязнь посмертная твоя
Не запятнает их гробницу.
Все те ж и Пушкин, и Крылов,
Хоть ест их червь, по воле бога;
Не лобызай же мертвецов —
И без тебя у них вас много.^[20]

Справедливость требует еще указать, как на довольно замечательные стихотворные произведения, на некоторые опыты г. Григорьева (в «Репертуаре и Пантеоне»), как, например, прекрасное стихотворение «Город», и на рассказ в стихах «Олимпий Радин», в котором целое темно, бессвязно, но есть прекрасные места. Вообще, о г. Григорьеве можно сказать, что он, кажется, сделался поэтом не по избыт-

ку таланта, а по избытку ума и что на нем мучительно отяготело влияние Лермонтова, отчего и происходят темнота и неопределенность в целом многих пьес его, и больших и малых: видно, что он не в силах ни отделаться от преследующей его мысли гения, ни овладеть ею. Он написал даже драму в стихах: «Два эгоизма», – в целом довольно бледное отражение довольно бледной драмы Лермонтова «Маскарад». Г. Григорьев, в этой драме, так запутался в неопределенных рефлексиях, возбужденных в нем извне, что читатель никак не в состоянии понять чувств героев ее, ни того, за что они любят и ненавидят себя и друг друга, ни того, за что непонятный герой отравляет ядом непонятную героиню. Но вообще, в этом странном и неудачном произведении промелькивает местами что-то такое, что невольно возбуждает интерес, если не к лицам драмы, то к лицу автора. Местами хороши в ней сатирические выходки; как хорош, например, этот монолог славянофила Баскакова:

Семья – славянское начало.

Я в диссертации моей

Подробно изложу, как в ней преобладала

Без примеси других идей

Идея чистая, славянская идея...

Читая Гегеля с Мертвиловым вдвоем,

Мы согласились оба в том,

Что, чувство с разумом согласовать умея,

Различие полов – славяне лишь одни

Уразуметь могли так тонко и глубоко...
У них одних, от самой старины,
Поставлена разумно и высоко
Идея мужа и жены...
Жена не *ges*⁷ у них, не вещь, но нечто; воля
Не признается в ней, конечно, но она
Законами ограждена...
Муж может бить ее; но убивать не смеет:
Над ней духовное лишь право он имеет,
И только частою *in cogroge*⁸: притом
Глубокий смысл в преданьи том,
Иль, лучше, в мысли той о власти над женою.
Пусть проявляется под жесткою корою,
Под формою побои: что форма? Признаюсь,
Семья меня всегда приводит в умиление...
Власть мужа и жены покорное смирение...
Чета славянская – я ей не надивлюсь!^[21]

Замечательными и оригинальными повестями наши журналы в прошлом году были не очень богаты. Начнем с «Библиотеки для чтения». Лучшим оригинальным произведением в этом роде был в ней сатирический очерк китайских нравов, под названием: «Совершеннейшая из всех женщин» барона Брамбеуса. У этого писателя нет ни дара творчества, ни юмора, но много таланта карикатуры, много того, что помалороссийски называется *жартованием*, или *жартом*. Его

⁷ Вещь. – *Ред.*

⁸ Телесное. – *Ред.*

повести и рассказы местами невольно заставляют читателя смеяться; в них много блесков и порывов ума. Если бы в этих сатирических очерках было больше определенности в мысли, больше глубины и дельной злости, – их литературное значение имело бы большую важность. «Совершеннейшая из всех женщин» есть одно из удачных произведений шутивого пера барона Брамбеуса, и нельзя не пожалеть, что эта забавная повесть осталась неконченной. – «Счастье лучше богатырства», рукопись найденная и изданная Ф. В. Булгариным и Н. А. Полевым, – роман, написанный в сотрудничестве двумя лицами, – небывалое до сих пор явление в нашей литературе! «Ум хорошо, два лучше», – говорит русская пословица; но на этот раз, кажется, численность не имела никакого влияния на роман. Это довольно неудачное усилие двух прежних писателей подделаться под новую школу. Особенно жалко тут лицо какого-то удалившегося от людей добродетельного химика. Но если о достоинстве вещей должно судить относительно, то скучная сказка «Счастье лучше богатырства» может показаться даже очень сносным произведением в сравнении со всеми остальными оригинальными изящными произведениями в «Библиотеке для чтения» прошлого года.^[22] – «Емеля, или Превращения», первая часть нового романа г. Вельтмана, решительно напоминает собою блаженной памяти «Русалку», волшебную оперу, которая так забавляла наших дедов своими «превращениями». Тут ничего не поймете: это не роман, а доволь-

но нескладный сон. Даровитый автор «Кашея бессмертного» в «Емеле» превзошел самого себя в странной прихотливости своей фантазии; прежде эта странная прихотливость выкупалась блесками поэзии; о «Емеле» и этого нельзя сказать. – «Вояжеры», quasi-комедия⁹ г. Основьяненко, – высокий образец бездарности и плоского вкуса. – «Башня Веселуха» (вскоре потом изданная отдельно) – так себе, ни то, ни се. – «Петербург днем и ночью» – пародия на «Парижские тайны»; сочинитель, впрочем, не думал писать пародию – пародия вышла против его воли, и оттого читать ее очень скучно. Ни образов, ни лиц, ни характеров, ни правдоподобия, ни естественности, ни мыслей! Зато фраз, фраз – разливанное море! Давно уже не являлось в русской литературе такого странного произведения.^[23] – «Три периода», роман г. Кукольника, может служить мерою читательского терпения.

Переводных романов и повестей в «Библиотеке для чтения» прошлого года было шесть, кроме «Теверино» и нескольких небольших рассказов, помещенных в «Смеси», и кроме окончания «Лондонских тайн» и «Вечного жида», начатого еще с 1844 года и тянувшегося почти целый прошлый год.^[24] Лучшими можно назвать «Элену Миддльтон» г-жи Фуллертон и «Якова Ван-дер-Нес» г-жи Паальцев: эти две повести, особенно первая, по крайней мере естественны, хотя и страшно растянуты, особенно первая. Конечно, «Граф Монте-Кристо» – блестящее беллетристическое произведе-

⁹ Будто бы комедия. – *Ред.*

ние, которое читается легко и скоро; но оно – не роман, а волшебная сказка, только не в арабском, а в европейском вкусе. – Что касается до «Вечного жида», – он окончательно дорезал литературную репутацию своего автора. Правда, в нем много частных очень интересных, умных, обличающих в писателе замечательный талант; но целое – океан фразерства в вымысле площадных эффектов, невыносимых натяжек, невыразимой пошлости. Лица мадмуазель Кардовиль, мосье Гарди, Габриеля, двух сироток – Розы и Бланки, дражайшего родителя их, маршала Симона, – верх неестественности и приторности. Какое отношение имеют к роману вечный жид и Иродиада? – ровно никакого, гораздо меньше, нежели лист бумаги, в которую завертывают «книгу, имеет отношения к самой книге. Если бы автор назвал свой роман просто: «Иезуиты», не ввел бы в него ни вечного жида, ни Иродиады, ни Самуила с женою, ни двухсот миллионов нелепого наследства, ни приторно сентиментальных лиц вроде сироток-сестер и Габриеля, если б не преувеличил характера Родэна, придумал поестественнее завязку и, вместо *десяти* томов, написал только *четыре*, и написал не торопясь, но обдумывая, – из-под пера его вышел бы прекрасный роман, потому что у Эжена Сю больше таланта, чем у гг. Бальзака, Дюма, Жанена, Сулье, Гозлана и *tutti quanti*¹⁰ вместе взятых. Но жажда денег и мгновенного успеха равняет теперь все таланты, и большие и малые, подводя их произведения под

¹⁰ Всех им подобных. – *Ред.*

один и тот же уровень ничтожности.

Ряд оригинальных произведений по части изящной прозы в «Отечественных записках» прошлого года заключился одною из тех повестей, которые составляют приобретение литературы, а не литературного только года. Мы говорим о превосходной повести «Кто виноват?», напечатанной в последней книжке нашего журнала. Эта повесть не принадлежит к числу тех произведений, запечатленных высокою художественностью, которая иногда творит из ничего, не заботясь ни о цели, ни о ничтожестве содержания; но эта повесть не принадлежит и к числу тех умных произведений, в которых лишенный фантазии автор, словно в диссертации, развивает свои мысли и взгляды о том или другом нравственном вопросе и в которых нет ни характеров, ни действия. Автор повести «Кто виноват?» как-то чудно умел довести ум до поэзии, мысль обратить в живые лица, плоды своей наблюдательности – в действие, исполненное драматического движения. Какая во всем поразительная верность действительности, какая глубокая мысль, какое единство действия, как все соразмерно – ничего лишнего, ничего недосказанного; какая оригинальность слова, сколько ума, юмора, остроумия, души, чувства! Если это не случайный опыт, не неожиданная удача в чуждом автору роде литературы, а залог целого рода таких произведений в будущем, то мы смело можем поздравить публику с приобретением необыкновенного таланта в совершенно новом роде.^[25] – «Маменькин сы-

нок», роман г. Панаева, напечатанный в первых двух книжках «Отечественных записок», отличается всеми достоинствами и всеми недостатками таланта этого писателя. Мы не будем распространяться ни о тех, ни о других и скажем коротко, что они связаны с сущностью таланта г. Панаева, который, не рискуя ошибиться, можно назвать *дагерротипным*. Во всяком случае «Маменькин сынок» – одно из лучших его произведений и одна из лучших повестей прошлого года. – «Необыкновенный поединок», романтическая повесть Говорилина (псевдоним), чужд всякого художественного достоинства, но весьма не чужд литературного интереса, особенно для тех, кто поймет живое отношение этого рассказа к эпиграфам, которыми он украшен, и эпиграфов к рассказу. С этой точки зрения, мы считали и считаем «Необыкновенный поединок» произведением, заслуживающим внимания и способным навести читателя на некоторые весьма любопытные соображения насчет некоторых знаменитых имен нашей литературы. – «Богатая невеста», драматический рассказ г. М., написан под влиянием комедий Гоголя и есть едва ли не единственный опыт в этом роде, который читается с наслаждением и после комедий Гоголя. Жаль, что этому рассказу повредило то, что не означено звание действующих в нем лиц. – В повести Ста-Одного «Старое зеркало» много интересных частных и умных замечок, хорошо очерчено лицо Ивана Анисимовича и дочка его, Маши; но в целом эта повесть не выдержана, и развязка ее как-то странна,

неестественна и неудовлетворительна. – «Милочка», повесть г. Победоносцева, не лишена интереса; жаль, что рассказ ее не довольно сжат и быстр. – Сверх того, в «Отечественных записках» прошлого года были напечатаны: «Дача на Петергофской дороге», повесть г-жи Жуковой; «Ошибка», драматический анекдот г. Нестроева, и «Няня», повесть г. Победоносцева.^[26]

«Жанна», «Теверино» и «Маркиза» – три романа Жоржа Занда, были переведены в «Отечественных записках» прошлого года. «Маркиза» – одно из старых произведений этой писательницы, «Жанна» – из недавних, «Теверино» – последнее. Излишне говорить о их художественном достоинстве: Жорж Занд, бесспорно, первый талант во всем пишущем мире нашего времени. Скажем только, что в лице Жанны поэтический инстинкт представил миру лучший и вернейший комментарий на значение исторической Жанны (д'Арк), нежели какой могла представить наука, много хлопотавшая об этом вопросе. «Теверино», в своем роде, стоит «Жанны», и оба эти романа, бесспорно, принадлежат к лучшим созданиям гениального автора. Замечательно, что «Теверино» написан после «Le Meunier d'Angibault»¹¹, прекрасного романа, но испорченного двумя главными лицами, до приторности 'неестественными, и после «Изидоры», во всех отношениях слабого и неудачного произведения. – «Вотчим», одна из лучших повестей одного из лучших фран-

¹¹ «Мельник из Анжибо». – *Ред.*

цузских нувеллистов. Шарля Бернара, который с замечательным талантом изображает нравы современной Франции. Может быть, со временем выписавшись, и он начнет писать эффектные сказки на манер «Тысячи и одной ночи» или «Вечного жида» и «Графа Монте-Кристо»; но пока талант его еще сохраняет всю свою свежесть и силу, так что после повестей Жоржа Занда только и можно читать его повести. – «Американцы», роман, переведенный с немецкого, представляет гораздо меньше художественности, нежели романы Купера, но едва ли не больше их знакомит с нравами Северо-Американских Штатов и их отношениями к племенам диких, потому что это прямая и положительная цель автора, немца, долго и прилежно изучавшего интересную страну. Романтическая или поэтическая сторона этого романа, не отличаясь особенным достоинством, в то же время и не лишена вовсе достоинства. Автор «Американцев» известен в Европе уже не одним романом в этом роде. Имени своего он не выставляет на романах; но мы слышали, что это Р. Вессельгефт, которого любопытная статья «Семейная жизнь в Соединенных Штатах» была переведена в «Смеси» «Отечественных записок» 1843 года (том XXIX, стр. 74).

Говорят, будто большинству нашей публики больше понравилась «Королева Марго», нежели романы Жоржа Занда, «Вотчим» Шарля Бернара и «Американцы»... О вкусах спорить не станем, а с этой книжки начинаем печатать продолжение «Королевы Марго» – то есть новейший роман Дюма

«Графиня Монсоро».

Упомянув о статьях: «Бараны», коротенький, но исполненный глубокого значения восточный аполог В. И. Луганского (в «Москвитянине»); «Иван Иванович», прехорошенький рассказ г. Гребенки (в «Финском вестнике»); «Денщик», физиологический очерк В. И. Луганского (там же); «Лука Лукич», нравоописательный очерк г. Д. (там же); «Фактор», нравоописательный рассказ г. Гребенки (там же); «Чужая голова – темный лес», рассказ г. Гребенки (в «Иллюстрации»); «Колокола, чудесная повесть о колоколах, отзванивающих старину и приветствующих новый год», повесть Диккенса (переведенная в «Москвитянине»), – мы исчислили все, что было замечательного по части изящной прозы, оригинальной и переводной, в русских журналах прошлого года. Из этих последних статей мы должны указать на «Денщика» В. И. Луганского, как на одно из *капитальных* произведений русской литературы. В. И. Луганский создал себе особенный род поэзии, в котором у него нет соперников. Этот род можно назвать *физиологическим*. Повесть с завязкою и развязкою не в таланте В. И. Луганского, и все его попытки в этом роде замечательны только частностями, отдельными местами, но не целым. В физиологических же очерках лиц разных сословий он – истинный поэт, потому что умеет лицо типическое сделать представителем сословия, возвести его в идеал, не в пошлом и глупом значении этого слова, то есть не в смысле украшения действительности, а в истинном его

смысле – воспроизведения действительности во всей ее истине. «Колбасники и бородачи», «Дворник» и «Денщик» – образцовые произведения в своем роде, тайну которого так глубоко постиг В. И. Луганский. После Гоголя это до сих пор решительно первый талант в русской литературе.^[27]

Книг ученых, учебных, и вообще *дельных*, в прошлом году вышло довольно много. Литература этого рода оказывает у нас видимые успехи, которые должны радовать патриотическое чувство русского. Причина этих успехов заключается сколько в усилиях правительства, которое всегда готово поощрять усилия частных лиц и само предпринимает издания летописей и всякого рода исторических памятников, – столько же и в быстрых успехах образованности русского общества. В жизни все связано тесно: образованность ведет, за собою просвещение. Пока легкая изящная литература еще не укоренилась в обществе до того, чтоб войти в его привычки, сделаться его необходимым роскошью, – она заменяет ему науку. Но когда она перестает быть исключительным достоянием немногих и становится потребностью толпы, – люди избранные делаютя требовательнее и разборчивее в изящных удовольствиях своего ума и, не оставляя их, стремятся в то же время и к более прочным, основательным потребностям ума – к знанию, к науке. Таким образом, по мере того как высшие (нравственно) слои общества переходят от легкой литературы к науке, низшие от невежества и необразованности восходят к легкой литературе. Это круговая по-

рука, и успехи легкой литературы – ручательство успехов науки. Одно без другого быть не может. Просвещение, основанное на науке, не может быть уделом всех, даже уделом большинства; но образование, основанное на успехах легкой литературы, может и должно быть уделом всех, даже самых низших слоев общества, которые могут быть грамотны только тогда, когда им есть что читать. Вот почему нельзя не радоваться, видя, что у нас страсть к легкому чтению сделалась уже не роскошью, а насущною потребностью, которой едва в состоянии удовлетворять наши журналы, наполняемые романами и повестями. Эта страсть к легкому чтению – признак распространившегося в обществе образования, которое, в свою очередь, свидетельствует о близких успехах просвещения, основанного на науке.

Из перечня вышедших в прошлом году книг и изданий серьезного содержания мы увидим, что их число несравненно больше числа отдельно вышедших книг по части легкой литературы. Скажут: беллетристические сочинения преимущественно помещаются в журналах; но мы покажем, что в тех же самых журналах помещается множество статей и серьезного содержания.

Особенно должно было радовать всех видимое усиление литературы русской истории и русских древностей. В прошлом году вышли следующие книги по этой части: «Всеобщая библиотека России, или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях». Это –

второе прибавление к книге того же названия, изданной г. Чертковым в 1838 году, которая, вместе с первым прибавлением, заключала в себе до 7000 званий книг; во втором прибавлении, вышедшем в прошлом году, заключается их до 1800 званий. – «Московская Оружейная палата» – изданная от правительства опись содержащимся в этом палладиуме нашей древности вещей; текст книги прекрасно составленный г. Вельтманом, объясняется изображениями, превосходно сделанными. Книга эта вышла в прошлом году, хотя на ней и выставлен 1844 год. – «Памятники московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы» – великолепное и изящное издание, начатое в 1842 году, в прошлом году окончилось выходом поел едких трех тетрадей (9, 10 и 11-й). Эта драгоценная книга равно делает честь и автору г. Снегиреву и издателю г. Семену. – «Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, высочайше учрежденною при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе» и «Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей, и по разным предметам» принадлежат к тем монументальным изданиям, которые возможны только для правительства, а не для частных лиц,^[28] – между тем как «Синбирский сборник» принадлежит к числу тех важных изданий, которые, будучи обязаны своим появлением усилиям и ревности частных лиц, более всего свидетельству-

ют об успехах просвещения в обществе. «Записки Дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского» были последним трудом Д. И. Языкова, оказавшего столько услуг русской исторической литературе. – Г. Тромнин и в прошлом году продолжал свое интересное издание «Достопамятности Москвы». Москва теперь деятельно изучается, и литература ее древностей богата уже превосходными сочинениями и изданиями. Здесь же место упомянуть об интересной брошюре г. Снегирева «О лубочных картинах русского народа» как о сочинении, относящемся если не к русской истории, то к русской старине, которая имеет полное право на наше внимание. В прошлом году вышло несколько замечательных книг по части критического исследования фактов русской истории, именно: «Иомберг и Винета», историческое исследование г. Грановского; «Об отношениях Новгорода к великим князьям», историческое исследование г. Соловьева; «Очерк литературы русской до Карамзина» г. Старчевского и «Исследование о местничестве» г. Валуева (отдельно напечатанная статья из «Синбирского сборника»). С успехом продолжалось великолепное издание: «Император Александр 1-й и его сподвижники»; портреты и текст этого издания не оставляют желать ничего лучшего. Второе издание первой части «Руководства к всеобщей истории» г. Лоренца, «Краткая история крестовых походов», переведенная с немецкого, и 4 и 5-я части «Всемирной истории» Бек-

кера заключают собою историческую литературу прошлого года. – Из беллетристических сочинений дельного содержания можно указать на 2-й том «Воспоминаний слепого», интересное описание кругосветного путешествия Араго, изящно изданное с прекрасными картинками; «Английская Индия в 1843 году», сочинение Варрена; «Рим и Италия средних и новейших времен», сочинение князя Волконского. – Из специальных сочинений можно вспомнить 5-ю и 6-ю части «Народной медицины» доктора Чаруковского; 3-ю часть «Руководства к воспитанию, образованию и сохранению здоровья детей» доктора Грума; «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка»; «Указатель законов для сельских хозяев»; «Лекции популярной астрономии» г. Зеленого; «Нумизматические факты Грузинского царства» князя Баратаева.

Как на особенно приятные явления в литературе прошлого года, должно указать на первую часть «Опыта истории русской литературы» г. Никитенко и третью книжку «Сельского чтения», издаваемого князем Одоевским и г. Заблоцким.

Теологическая литература наша обогатилась в прошлом году изящным изданием) «Слов и речей» знаменитого духовного витии нашего, высокопреосвященного Филарета, митрополита московского, вышедших в трех больших томах. – Сверх того, по части духовной литературы вышли в прошлом году: «О подражании Христу» Фомы Кемпийского,

в переводе графа Сперанского; «Творения Святых отцов», в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии, первая, вторая и третья книжки третьего года.

Перечень наш едва ли полон – так много выходит теперь у нас хороших книг серьезного содержания: по крайней мере втрое больше, нежели хороших книг по части легкой литературы.

В журналах статьи серьезного содержания тоже едва ли не превосходят и числом и объемом статьи беллетристические. В этом легко убедиться из простого перечня. В «Библиотеке для чтения», в отделе наук и искусств, были помещены статьи: «Еремия Вентем»; «Древние мексиканцы»; «Естественная история пресмыкающихся»; «Метеорические камни, преимущественно упавшие в России» Э. Эйхвальда; «Венеция в 1843 году» (Уварова); «Врачебное сословие в Англии»; «Письма, инструкции и записки Марии Стюарт», изданные князем Лобановым; «Лафатер и Галль» С. С. Куторги; «Исторический характер Лудовика XIV» К. П.; «О прекрасном и об искусстве» Виктора Кузена; «Писатели и ученые предыдущего пятидесятилетия» лорда Брума. – Статья Кузена есть выборка мыслей из эстетики Гегеля; знаменитый эклектик только поразжидил и попошил так легко доставшееся ему приобретение, об источнике которого он счел за лучшее скромно умолчать. Статьи лорда Брума о Вольтере и Руссо, о Юме и Робертсоне, несмотря на громкое имя их автора, довольно пусты и ничтожны. В Смеси «Биб-

блиотеки для чтения» была очень умная и интересная статья «Судьба поэтов в Германии», к сожалению, неоконченная.

В «Москвитянине» прошлого года (№№ 5 и 6-й) нас удивила статья «Письмо из Парижа», подписанная Н. Л-й; по мыслям, духу, направлению, благородному тону, беспристрастию, наблюдательности и мастерству изложения это одна из таких статей, которые в нашей литературе – слишком редкие явления.^[29]

В «Отечественных записках», по отделу наук и искусств, были помещены статьи: «Английская Индия в 1843 году», из книги Варрена; «Письма об изучении природы» Искандера; окончание статьи «Реформация», начатой и продолжавшейся в 1844 году; «Консульство и Империя» Тьера; «Алтай» (естественная история его, копи и жители), статья Катрфажа, написанная по поводу сочинения г. Чихачева: «Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine»¹²; «Космос», опыт физического мироописания, Александра Гумбольдта; «Верования индусов». Сверх ученых известий о деятельности Парижской академии наук, о всех новых открытиях в области наук, искусств и ремесл, в Смеси «Отечественных записок» были помещены биографические очерки^[30] знаменитых современников: Теодора Гука, Талейрана, Берцелиуса, Круга, Мартинеза дела-Розы, лорда Брума, Сальватора Тончи, Беранже, Авгу-

¹² «Научное путешествие в восточный Алтай и в места, прилежащие к китайской границе». – *Ред.*

ста-Вильгельма Шлегеля, Эспартеро, генерала Джаксона, барона Бозио, Джона Росселя, леди Стенгоп.

Некоторые беспристрастные доброжелатели «Отечественных записок» и намеками и явно, словесно и печатно утверждают, будто бы содержание и направление «Отечественных записок» не соответствует их названию, потому-де, что в них нет ничего *отечественного*. Мы не станем спорить с этими благонамеренными доброжелателями, но только выставим им на вид несколько фактов. В отделе «Словесности» «Отечественных записок» помещаются разве одни только переводы? Разве не бывает оригинальных статей в отделе «Наук и художеств»? Разве в отделе «Критики» и «Библиографической хроники» рассматриваются не русские книги? Разве не «отечественное» доставляет предмет отдела «Домоводства, сельского хозяйства и промышленности вообще»?.. В «Отечественных записках» есть особый отдел, который под именем «Современной хроники России» представляет собою фактическую летопись русского законодательства и распоряжений высшего правительства по части государственного управления. Что «Отечественные записки» с особенной охотой принимают в себя все, исключительно касающееся до России, – для доказательства стоит только указать на следующие статьи в отделе «Наук и художеств» и «Смеси» прошлого года: «Коронование императрицы Екатерины Алексеевны Петром Великим» (статья, доставленная редакции покойным Д. И. Языковым); «Воспоминание

о генерал-фельдмаршале Петре Александровиче Румянцове-Задунайском» Н. Кутузова; «Военно-учебные заведения, подведомственные его императорскому высочеству, главному начальнику, – в царствование императрицы Екатерины 11-й» П. И. Глебова; «Иван Андреевич Крылов»; «Заметки на пути из Москвы в Закавказский край»; «Величина поверхности тридцати семи губерний и областей в Европейской России»; «Народонаселение в губерниях Европейской России» и пр. и пр. В отделе «Критики» разобраны два важные издания, относящиеся к отечественной истории: «Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, учрежденной при киевском военном, подольском и волынском генерал-губернаторе» и «Собрание древних актов городов Вильны, Ковна, Трок, православных церквей, монастырей, и по разным предметам». В отделе «Библиографической хроники» обращено особенное внимание на книги русской истории, чему доказательством могут в особенности служить обширные рецензии на «Синбирский сборник» и «Отношения Новгорода к великим князьям» и др. А что, в то же время, «Отечественные записки» представляют своим читателям и возможно подробную картину движения современных литератур Германии, Англии и Франции, – мы думаем, что одно другому нисколько не мешает и что, в этом отношении, со стороны нашего журнала заслугою больше... Один журнал (мы не назовем его), обвинив в разных ересьх всю русскую литературу и достойных пред-

ставителей ее – Ломоносова, Державина, Карамзина, Жуковского и Пушкина, в том же самом обвинил «Библиотеку для чтения» и «Отечественные записки», вероятно основываясь на том, что в них нет статей теологического содержания!^[31] Да, их не было и не будет в «Отечественных записках», потому что теология не входит в их программу. Сверх того, издатель и редактор «Отечественных записок» думает и глубоко убежден, что писать о богословских предметах – должно быть *исключительным* правом и обязанностью людей духовного сана, которые суть *единственные* истинные проповедники и блюстители святых истин православной церкви, и что было бы великою профанациею допустить каких-нибудь самозванных ревнителей светского звания мешать, в литературных изданиях, статьи религиозного содержания с любовными стихами, романами, повестями и комедиями... Оставаться в законных пределах дозволенной деятельности, не стараясь самовольно вмешиваться в вопросы, подлежащие не нашему ведению, – всегда было и будет первым» правилом нашего журнала...

Теперь нам остается сказать несколько слов о журналах. Их у нас немного, а и из существующих мы не имеем охоты говорить о всех... Мы указали на все, что было, в каком бы то ни было отношении, замечательного в журналах прошлого года; говорить о направлении изданий, уже пользующихся давнишнею известностью, было бы излишне. И потому скажем несколько слов о новых журналах – «Финском вестни-

ке» и «Иллюстрации». Мы не спешили нашим суждением о них, желая дать им время определеннее высказаться. К тому же мы не любим рассуждать о журналах во время подписки и охотно предоставляем эту благонамеренную методу признанным ее любителям. Мы уже указали на замечательные оригинальные статьи в «Финском вестнике» по части легкой литературы; теперь остается сказать, что в нем были хорошие статьи и серьезного содержания, как, например, «Очерк исторической деятельности до Карамзина» г. Старчевского; «Очерк финляндской войны 1741 и 1742 годов»; «Общественные науки в России» г. В. Майкова и пр. Вообще «Финский вестник» был верен своему назначению – быть *специальным сборником*: все иностранные статьи его переводились с шведского и знакомили русских читателей с Финляндией. Другого же значения он не имел и, кажется, иметь не будет. Следственно, не ищите в нем того, что требуется от журнала, – определенной физиономии, верности однажды избранному принципу и т. п. Это – *сборник*, не более. О недостатках «Финского вестника» пока умолчим из уважения к достоинствам, которые он уже обнаружил, надеясь, что в будущем году последние совершенно перевесят первые.^[32] – Вот об «Иллюстрации», к сожалению, не можем сказать того же. Картинок в ней много, так что больше требовать было бы несправедливо: в этом отношении мы отдаем «Иллюстрации» полную честь. Прибавим к этому, что в ней многой русских оригинальных картинок – что также

большая заслуга со стороны подобного издания. Жаль только, что иностранные картинки в «Иллюстрации» не совсем хорошо отпечатываются, а русские, сверх того (большею частью), дурно рисуются. Нам приятно было встретить в «Иллюстрации» портреты гг. Каратыгина, Брянского, Мочалова, Петрова, г-жи Александр-Мейер; но весьма неприятно было видеть, что эти портреты или почти непохожи, или вообще непохожи на оригиналы. Хуже всех, в этом отношении, портреты гг. Брянского и Петрова и г-жи Александр-Мейер: тонкие, нежные черты худощавого лица этой артистки очутились на портрете крупными, грубыми, а лицо сделано не только полным, но и одутловатым. Такова художественная сторона «Иллюстрации»; к сожалению, и литературная такова же. Во-первых, в этом издании нет ничего, похожего на журнал, на газету, отчего оно ужасно сухо и вяло. Являются в нем изредка рецензии, но до того неловкие, тяжелые и бедные содержанием и направлением, что нет никакого интереса читать их. Даже ссоры «Иллюстрации» с одною газеткою были так неловки и тяжелы, что не стоило труда и начинать их. Извещая о смерти Августа-Вильгельма Шлегеля, издатель «Иллюстрации» сказал, между прочим, что Шлегель был «порядочным стихослагателем», что он «обратился к критике по недостатку высшего, самостоятельного таланта» и что будто бы «эту профессию (то есть критику) в отдельном ее виде создала бездарность..» (№ 10). Вот истинно европейское, истинно ученое понятие о критике! Мы по-

нимаем, что издатель «Иллюстрации» не может быть доволен критикою, которая не слишком снисходительна бывала к нему, но в то же время не шутя боимся, чтобы он, по изложенной им причине, не сделался критиком... Впрочем, он принимался и за критику, и все с таким же успехом, с каким брался за лирическую поэзию, за драму, за роман, за повесть, за издание «Художественной газеты», «Дагерротипа» и *tutti smanti*¹³... Но Шлегель был превосходный переводчик и, для своего времени, превосходный критик. – Статьи, которыми наполняется «Иллюстрация», большею частию запечатлены посредственностью и замечательно небрежностью. Из оригинальных статей только и можно указать на рассказ г. Гребенки: «Чужая голова – темный лес». Ко всему этому надо прибавить особенную манеру издателя выражаться каким-то странным языком; сотрудник у него *гласит* истину, сени аристократического дома он хочет описать *кунно* с лестницею... Но всего лучше в этом издании «Переписка»: ничего еще подобного не бывало в русской литературе! Это самое забавное отделение «Иллюстрации»: по крайней мере, мы обязаны ему многими веселыми минутами. Когда-нибудь, в заметках нашего журнала, мы выпишем несколько примеров этой наивно-курьезной переписки, чтобы доставить богатый материал будущему историку русской литературы... [33]

¹³ Всех подобных. – *Ред.*

Примечания

«Отечественные записки», 1846, т. XLIV, № 1, отд. V, стр. 1–32 (ценз. разр. 31 декабря 1843). Без подписи.

Настоящая статья является последним обзором, написанным Белинским в «Отечественных записках».

Белинский в этой статье не только подвергает критике романтизм в его идейных и эстетических основах (см. блестящий подбор цитат из писателей-романтиков, – прием, уже примененный Белинским в предыдущем обзоре), но и рисует историю его возникновения и развития.

Вслед за критикой романтизма в статье дается смелое и решительное утверждение «нового направления» русской литературы, ведущего свое начало от Гоголя и свидетельствующего о значительных успехах молодых писателей-реалистов, воспитанных и руководимых Белинским.

Комментарии

1.

«Евгений Онегин», гл. V, строфа VII.

2.

«Евгений Онегин», гл. VII, строфа XXII. Белинский цитирует не точно. У Пушкина: «С его безнравственной душой, себялюбивой и сухой», «С его озлобленным умом».

3.

Белинский цитирует III и V строфы юмористического стихотворения И. С. Тургенева «Человек, каких много» («Отечественные записки», 1843, т. XXXI, № 11, отд. I, стр. 191, за подписью Т. Л.).

4.

Белинский говорит здесь о славянофильских причудах К. Аксакова, П. Киреевского, А. Хомякова и др., рядившихся в старорусские костюмы.

5.

Здесь и ниже Белинский сжато излагает свою концепцию истории русской литературы.

6.

Начало литературных споров о романтизме связано было с

появлением поэмы Пушкина «Руслан и Людмила» (1820). Особенной остроты эти споры достигают в 1822 году после выхода в свет поэмы Пушкина «Кавказский пленник».

7.

Автором повестей «Живописец», «Блаженство безумия» и «Эмма» был Н. А. Полевой.

8.

Эти выразительные примеры «неистойой и глубокомысленной романтической фразеологии в стихах и прозе» Белинский почерпнул из пародийной «романтической повести» Говорилина (А. Я. Кульчицкого) «Необыкновенный поединок» («Отечественные записки», 1845, т. XXXIX, № 3, отд. I, стр. 109–158).

9.

Белинский использует здесь остроумную эпиграмму И. И. Дмитриева «Надпись к портрету» (1791):

10.

Писатель, которого «давно уже знает вся читательская Россия», – Гоголь. В 1845 году Л. Виардо, при помощи И. С. Тургенева, перевел на французский язык пять повестей Гоголя.

11.

Нападки на «новую школу» начали появляться в «Северной пчеле» Булгарина в связи с выходом «Тарантаса» В. А. Соллогуба и, особенно, «Физиологии Петербурга» («Северная пчела», 1845, №№ 73 и 79).

12.

Белинский повторяет здесь оценку «Тарантаса» В. А. Соллогуба, данную им в большой статье об этом произведении (см. т. II наст. изд.).

13.

По поводу первого издания второй части сборника повестей и рассказов Соллогуба «На сон грядущий» (1843) см. рецензию Белинского (Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 236–239).

14.

Первая книга «Петербургских вершин», сборника рассказов и очерков Я. П. Буткова, вышла в свет в 1845 году. В 1846 году была напечатана вторая книга «Петербургских вершин», а затем несколько повестей Буткова появилось в «Отечественных записках» 1847–1849 годов.

15.

Поэма И. С. Тургенева «Разговор» вышла отдельным

изданием в 1845 году. «Новая поэма» Тургенева – «Андрей» появилась в «Отечественных записках», 1846, т. XLIV, № 1.

16.

Поэма А. Н. Майкова «Две судьбы» вышла отдельным изданием в 1845 г. Она свидетельствовала о стремлении поэта сблизиться с реалистическим направлением.

17.

Белинский здесь коротко повторяет ту оценку «Стихотворений А. Струговщикова», которую он более развернуто дал в специальной рецензии 1845 года (Полн. собр. соч., т. X, стр. 4–10).

18.

В литературном сборнике «Вчера и сегодня», составленном В. А. Соллогубом (книга I, СПб, 1845), были опубликованы незаконченные отрывки из повестей Лермонтова: «У графини В... был музыкальный вечер...» и «Я хочу рассказать вам...», а также стихотворения: «Слышу ли голос твой...», «Отрывок» («Это случилось в последние годы могучего Рима...»), «Казбеку», «Я не хочу, чтоб свет узнал...» и «Гляжу на будущность с боязнью...».

19.

За подписью «Не-в» в «Отечественных записках» 1845

года были напечатаны стихотворения Н. А. Некрасова: «Современная ода» (№ 4) и «Старушка» (№ 9). Его же стихотворение «Чиновник» появилось во второй части «Физиологии Петербурга» с полной подписью.

20.

В «Москвитянине», 1845, № 2 было несколько выпадов против Булгарина, что и приветствует Белинский, перепечатывая эти две эпиграммы, вторая из которых в «Москвитянине» была подписана буквами «Н. П.». Упомянутая выше басня «Хавронья» («Отечественные записки», 1845, № 4 за подписью «***») написана П. А. Вяземским.

21.

Эти краткие замечания о стихотворениях Ап. Григорьева предваряют развернутую характеристику их в рецензии 1846 года (Полн. собр. соч., т. X, стр. 292–300). Драма Ап. Григорьева «Два эгоизма» была напечатана в журнале «Репертуар и Пантеон», 1845, № 12, стр. 661–743. В лице славянофила Баскакова был сатирически изображен К. С. Аксаков.

22.

Первые две части романа «Счастье лучше богатырства» были напечатаны в «Библиотеке для чтения» 1845 года (№ 2,

стр. 101–260 и № 3, стр. 9–156). Части III и IV появились в том же журнале, в 1847 году (№№ 1, 3, 5).

23.

Роман «Башня Веселуха или Смоленск и жители его шестьдесят лет назад», «Смоленского старожила» (Ф. А. Фон Этингера) был напечатан сначала в «Библиотеке для чтения» в 1845 году (№№ 6, 7 и 8) и в том же году вышел отдельным изданием.

24.

Повесть Жорж Занд «Теверино» была напечатана в русском переводе не только в «Библиотеке для чтения», но и в «Отечественных записках» (1845, № 10).

25.

В № 12 «Отечественных записок» 1845 года была напечатана первая часть романа Герцена (Искандера) «Кто виноват?» (гл. I–IV); в № 4 того же журнала за 1846 год появилось продолжение под заглавием «Владимир Бельтов» («эпизод между первой и второй частями романа»), позднее составившее три последние главы первой части); в полном виде роман «Кто виноват?» был напечатан в 1847 году в виде приложения к первой книге «Современника».

26.

О повести Говорилина (А. Я. Кульчицкого) «Необыкновенный поединок» см. примечание 8.

27.

Белинский сильно преувеличивал значение «физиологических» очерков и рассказов В. И. Даля (Казака Луганского). По мере успехов «натуральной школы», значение ее временных «попутчиков», каким был в частности В. Даль, снижалось, и оценка их у Белинского становилась все более умеренной.

28.

Разбор этих актов был помещен в той же декабрьской книжке «Отечественных записок» 1845 года, где был напечатан и роман «Кто виноват?» Любопытен донос Булгарина на роман Герцена и разбор актов (см. М. Лемке, «Николаевские жандармы и литература», СПб, 1909, стр. 305–306).

29.

Псевдонимом «Н. Л-й» (Н. Ливенский) подписывался Н. А. Мельгунов.

30.

В журнальном тексте здесь очевидная опечатка

(«библиографические очерки») не исправленная ни в одном из изданий сочинений Белинского.

31.

«Один журнал», обвинивший «в разных ересь всю русскую литературу», – это, конечно, мракобесный «Маяк», издававшийся С. А. Бурачком в 1840–1845 годах (в 1840–1841 годах – совместно с П. А. Корсаковым).

32.

Журнал «Финский вестник» выходил в 1845–1847 годах. (Издателем его был Ф. К. Дершау.) Беспринципность журнала можно иллюстрировать на подборе сотрудников, среди которых наряду с писателями, примыкавшими к «натуральной школе» (В. Даль, Е. Гребенка, позднее А. Пальм, С. Дуров), встречаются также и апологеты официальной народности (Н. Кукольник, М. Загоскин).

33.

Редактором и издателем «Иллюстрации, еженедельного издания всего полезного и изящного» в 1845–1847 годах был. Н. В. Кукольник. В отделе «Переписка» Кукольник вел полемику с «Северной пчелой», чрезвычайно мелочную и бессодержательную, что и вызвало настоящее замечание Белинского.